

РАЗУМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫК

LANGUAGE AND REASONING

С. Н. Грановский

Исторические характеристики

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА
2013

УДК 93/94
ББК 63.3
Г 77

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России (2012—2018 годы)»

Грановский Т. Н.

Исторические характеристики / Сост.: А. А. Левандовский и В. Л. Семигин; вступит. статья А. А. Левандовского; подгот. текста и примеч. В. Л. Семигина. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. — 384 с. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

ISBN 978-5-9551-0532-1

В книге историка, профессора Московского университета Т. Н. Грановского (1813—1855) представлены забытые и малоизвестные широкой публике работы по истории Западной Европы в Средние века и Новое время: публичные чтения 1851 г. о Тимуре, Александре Великом, Людовике IX и Фрэнсисе Бэконе, а также статьи 1845—1847 гг., написанные для различных популярных изданий.

Книга адресована историкам, филологам, философам и всем, кто интересуется историей Западной Европы, историей научной и общественно-политической мысли в России XIX в.

ББК 63.3

*В оформлении переплета использована гравюра
«Баярд защищает мост Гарильяно» Ш. Барбана*

ISBN 978-5-9551-0532-1

© Рукописные памятники Древней Руси, 2013
© Составители, 2013

СОДЕРЖАНІЕ

А. А. Севаиодовскій. Зачем нужна исторія,
или Феномен Грановскаго..... 7

Б. Н. Грановскій ИСТОРИЧЕСКІЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

I. Оубличныя чтенія

Четыре историческіе характеристики

Чтенье первое. Битва.....	37
Чтенье второе. Александр Великій.....	56
Чтенье третье. Годовик IX.....	84
Чтенье четвертое. Бэкон.....	108

II. Статьи

Немецкіе народныя преданія (Преданія о Карле Великом).....	133
О крестовыхъ походахъ.....	141
Рыцарь Баярдъ.....	145

Петр Рамсе.....	165
Спанская инквизиция.....	174
Бвакеры.....	182

Приложения

I. Грановский Б. Н. О современном состоянии и значении всеобщей истории (Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского университета 1852 года, января 12 дня).....	195
II. Грановский Б. Н. Ослабление классического преподавания в гимназиях и неизбежные последствия этой перемены.....	231
Примечания.....	251

Зачем нужна история, или Феномен Грановского

Вопрос: «Зачем нужна история?» — рано или поздно встает перед тем, кто к ней, к этой самой истории, относится хоть сколько-нибудь серьезно. Еще древние маялись... Ответов — целая россыпь, самых разных, нередко диаметрально противоположных. Для Тацита, например, история, должным образом изложенная, — бесценный учитель жизни; Гегель, напротив, к подобным «урокам» относился с откровенной насмешкой, считая, что «бледный призрак истории» бессилен противостоять напору действительности... Выбор, в общем, богатый. Но в поисках истины я хотел бы обратить внимание читателя на одно произведение, совершенно не научное, но зато в высшей степени художественное.

Речь идет о рассказе А. П. Чехова «Студент». Предельно кратко напомним его сюжет: студент духовной академии, приехавший погостить к отцу, сельскому дьячку, бесцельно бродит по окрестностям родной деревни. Антураж самый чеховский: глушь, безлюдье, пронизы-

вающий холодный ветер; в памяти — простудившийся отец, кашляющий на печи, босая мать, занятая скудным хозяйством... Настроение — соответствующее: героем владеет тоска безысходности, тоска, поистине, космическая или, по меньшей мере, историческая... «...Пожимаясь от холода, студент думал о том, что точно такой же ветер дул и при Рюрике, и при Иване Грозном, и при Петре, и что при них была точно такая же лютая бедность, голод, такие же дырявые соломенные крыши, такая же пустыня кругом, мрак, чувство гнета — все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше. И ему не хотелось домой»*.

В таком-то ужасающем настроении студент подсаживается погреться к костерку, разведенному на огородах, и вступает в разговор с их хозяйками — вдовой и ее придурковатой, забитой мужем дочерью. Собственно, это даже и не разговор... Героя, очевидно, неожиданно для него самого, повело на монолог: он начинает вспоминать «точно такую же холодную ночь» в Гефсиманском саду — ночь начала крестных мук Христовых, ночь предательства Иуды и отречения Петра. Именно об этом, о предсказанном Христом отречении, о скорби не выдержавшего испытания апостола, о его душевных терзаниях и рассказывает студент, не столько даже бабам, сколько самому себе: «И ишед вон, плакася

* Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 8: Рассказы. Повести: 1892—1896. М.: Наука, 1986. С. 306.

горько...» И вдруг видит: плачут и бабы... Значит, коли так, эта история тронула их — и дело не в его, студента, красноречии: то, что много веков назад происходило с одним из учеников Христа, находит в душе слушательниц живой отклик — все это герой рассказа осознает, попросившись с бабами и уходя от костра. Уже в совершенно другом настроении... «И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошрое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой»*.

Лучше, по-моему, не скажешь. В этом маленьком рассказе Чехов очень ясно и точно определил значение истории: она приобщает человека к человечеству. История позволяет бессмысленно влачащему дни одиночке связать свое настоящее с общим прошлым и, тем самым, ступить на общий для всех путь, ведущий в будущее. Конечно, можно жить и без осознания своей причастности к великому целому; так жили и живут миллионы. Но ведь это не жизнь — существование... И, может быть, весь пафос чеховского рассказа заключается в утверждении, что глубинное ощущение связи человека с человечеством присуще каждому из нас. Чуть подтолкнуть... Характерно, кстати, что сам Чехов в ответ на традиционные упреки в пессимизме ссылался

* Там же. С. 309.

именно на этот рассказ: какой же, мол, я пессимист, если «Студента» написал...

Я обращаюсь к этому шедевру не только потому, что в нем содержится ответ на поставленный в заголовке вопрос; видится мне в чеховском студенте некий аналог с человеком, упомянутом все в том же заголовке... Мне представляется: было время, когда профессор Московского университета Тимофей Николаевич Грановский играл по отношению ко всему русскому обществу примерно ту же роль, что и студент — у костерка, на огородах...

* * *

В 40-х годах XIX века — в эпоху, которую один из ее летописцев П. В. Анненков совершенно справедливо назвал «Замечательным десятилетием» — Грановский пользовался популярностью, поистине, феноменальной.

Прежде всего у студентов Московского университета, одним из важнейших явлений в истории которого стали именно его лекции, — на них, кстати, Тимофею Николаевичу свойственно было опаздывать. «... Четверть часа уже прошла после звонка. Вся аудитория в каком-то ожидании. Разговоры смолкли, и все вышли на лестницу, ведущую в аудиторию. “Будет ли?” — говорит один из студентов. — “Будет”, — отвечает другой. — “Должно быть, не будет”, — заявляет третий, смотря на часы. — “Приехал!” — кричит снизу швейцар, как будто отвечая на нетерпеливое ожидание. — “Идет...” — и вся толпа двинулась в аудиторию, все спешат заполнить места. Глубокая тишина

воцарилась в зале»*. В этом, согласитесь, безыскусственным и очень живым отрывке из воспоминаний бывшего студента Московского университета прекрасно передано отношение слушателей к своему профессору; его, я думаю, оценят все, кому приходилось стоять на кафедре: лекторов крайне редко ждут с таким нетерпением... Грановского ждали подолгу, причем аудитория практически всегда была забита до отказа — на его лекции ходили студенты самых разных факультетов, включая медиков. Слушатели сидели на подоконниках, на ступеньках кафедры...

Студенческой средой популярность Грановского не ограничивалась. Осенью 1848 года, благодаря содействию С. Г. Строганова, попечителя Московского учебного округа, расположенного к прогрессивно настроенной «молодой профессуре», удалось организовать публичные чтения Грановского — и они произвели настоящий фурор в общественной среде. А. И. Герцен, очень переживавший за своего ближайшего друга, с восторгом писал в частном письме под свежим впечатлением от начала чтений: «...Москва отличилась, просто давка, за ¼ часа места нельзя достать, множество дам du haut parage**, и все как-то кругло идет...»***.

* Отечественные записки. 1858. № 8. С. 89—90.

** Из высших сфер (*фр.*).

*** Герцен А. И. Письмо Н. Х. Кетчеру (2—3 декабря 1843 г.) // Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 22: Письма 1839—1847 годов / Ред. Ю. Г. Оксман и Л. М. Долотова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 159—160.

Конечно же, в этой аудитории среди «дам всех возрастов, профессоров, студентов, статских, военных» было немало случайных людей — и тем не менее... Успех Грановского-лектора оказался устойчивым; между ним и слушателями, по словам того же Герцена, сразу установилась некая «магическая связь, с обеих сторон деятельная». К концу лекций, длившихся пять месяцев, аудитория все так же ломилась от народа, а тот фурор, который поначалу почти неизбежно должно было произвести такое небывалое в России по тем временам событие, как публичные чтения, перерос в устойчивый, одушевленный интерес, если можно так определить настроение, выразившееся в периодических взрывах энтузиазма и на последней лекции разрешившееся «безумным, буйным восторгом»^{*}.

Подобный ажиотаж вокруг лекций Грановского, что университетских, что публичных, конечно же, нуждается в объяснении — тем более что целый ряд обстоятельств изначально был явно не в пользу лектора. Начать можно с тематики: Грановский был ученым-медиевистом, то есть в сферу его интересов входила, прежде всего, история Западной Европы Средних веков. Завершался лекционный курс Грановского обычно XVI—XVII веками — связь с жизненно важными проблемами, которые могли волновать россиян в середине XIX века,

^{*} Пасек Т. П. Из дальних лет. Воспоминания: [В 2 т.]. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. (Серия литературных мемуаров). С. 304.

просматривается здесь, согласитесь, слабо... В то же время Грановский никак не мог претендовать на звание «великий ученый»: в сфере академического знания его наследие занимает достаточно скромное место; даже самые восторженные почитатели, которых у профессора было много, не рисковали называть его имя в ряду тех, кто прокладывал новые пути — «задавал новые дискурсы», если использовать современную терминологию. Грановский прекрасно знал западноевропейскую научную литературу, широко использовал ее достижения в своих лекциях, статьях, очерках — но не более того.

В результате, казалось бы, напрашивался ответ, который с удовольствием подсказывали недоброжелатели — их у нашего героя тоже хватало: Грановский всего лишь «артист на кафедре», лицедей, умело транслирующий чуждые знания. Если принять эту подсказку за истину, то из нее почти автоматически следует: значит, все дело «в блестящей, отточенной формуле», во внешних эффектах лекторской манеры — о сколько-нибудь значительном содержании лекций в этом случае говорить, очевидно, не приходилось. Ну и вывод напрашивался сам собой: Грановский — фигура дутая, вся его преподавательская и научная деятельность — вредна. В обширной литературе, посвященной Грановскому, было, кстати, целое направление, представители которого упорно отстаивали эту точку зрения*.

* См.: Левандовский А. А. Либерализм как свойство личности (Образ Т. Н. Грановского в пореформенной публицисти-

Между тем кажется очевидным, что достаточно было хотя бы раз со вниманием и без предубеждения прослушать лекцию Грановского, чтобы убедиться в полной несостоятельности этой характеристики: «артист на кафедре». И дело здесь было не только в том, что ни в природных данных Грановского, ни в его манере держаться на кафедре не было ничего такого, что обычно связывают с понятием «артистизм». Скорее, напротив: у профессора был слабый, глуховатый голос и плохая дикция (отсюда дружеское прозвище: «шепелявый профессор»). Лекции Грановского держали слушателей в постоянном напряжении: в аудитории должна была стоять полная тишина. Она и стояла... Что же касалось эффектных ораторских приемов, то Грановский не терпел их *принципиально*. В одном из писем, написанных в самом начале преподавательской деятельности, рассказывая близким друзьям о том, как он готовится к лекциям, Грановский особо отмечал: «При изложении я имею в виду пока только одно — самую большую простоту и естественность... Даже тогда, когда рассказ в самом деле возьмет меня за душу, я стараюсь охладить себя и говорить по-прежнему»^{*}. Предельная искренность при

ке) // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 233—243; см. также: Левандовский А. А. Железный век. М.: Арбор, 2000. С. 67—74.

^{*} Т. Н. Грановский и его переписка: [В 2 т.]. Т. II: Переписка Т. Н. Грановского. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1897. С. 366.

полном отсутствии позы — вот то, что прежде всего характеризовало лекторскую манеру Грановского.

Но главное, повторюсь, все же не в этом: «внутренние эффекты» отсутствовали в лекциях и научных работах так же, как и внешние. Ни неожиданных трактовок, ни ярких личностных характеристик, ни смелой актуализации исторического материала... В наше время, когда представление о лекционных курсах Грановского складывается лишь на основе несовершенных студенческих записей, они вообще могут показаться скучными. А народ, между тем, на эти лекции валом валил, аудитория была забита; что же касалось публичных чтений, то совершенно не разделявший взглядов Грановского П. Я. Чаадаев назвал их «явлением историческим» — и возразить ему было некому... Значит, были у этой потрясающей популярности «шепелявого профессора» какие-то серьезные, глубинные причины.

* * *

Очевидно, что поставленный вопрос не решается вне контекста эпохи Николая I, на которую пришлось почти вся сознательная жизнь Грановского. А эпоха эта достаточно сложна для понимания, особенно в наше время; лет тридцать-сорок назад, при так называемом застое, разобраться в ней было, пожалуй, попроще...

Если попытаться вкратце, избегая лишних подробностей, определить особенности того времени в интересующем нас ракурсе — а это, прежде всего, взаимоотношения власти и общества — то мы придем к